

РЕЦЕНЗИИ

А.Г. Небольсин

Композиция Откровения Иоанна Богослова как «открытого произведения»*

Антал Гергей Небольсин – доктор богословия. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Российская Федерация, 127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1; e-mail: gyula@mail.ru

Рецензия посвящена монографии, касающейся сложного вопроса о композиции Откровения Иоанна Богослова. В науке предложено много вариантов структурирования книги, и о консенсусе в этой области говорить нельзя. Автор рецензируемого труда, отталкиваясь от идей Умберто Эко об «открытом произведении», предлагает свое видение архитектуры Апокалипсиса, включающее в себя элементы разных версий его построения. Венчающий исследование план библейской книги призван отразить всю ее повествовательно-драматургическую многоплановость.

Ключевые слова: Откровение Иоанна Богослова, Апокалипсис, Умберто Эко, открытое произведение, композиция текста, литературоведение, герменевтика

Ссылка для цитирования: Небольсин А.Г. Композиция Откровения Иоанна Богослова как «открытого произведения» // Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2019. Т. 3. № 1. С. 153–163.

Доказывать сегодня просвещенному читателю – читателю, для которого слово «апокалипсис» не является синонимом мировой катастрофы, а последняя книга христианского библейского канона не есть книга ужасов, – что Откровение Иоанна Богослова представляет собой блестяще выстроенный литературный текст, нет никакой нужды. Делать это – значит ломиться в открытую дверь. Однако было бы наивно полагать, что, вступая через отверстую дверь в словесный храм Апокалипсиса и созерцая его прекрасную архитектуру, мы сталкиваемся с чем-то самоочевидным, однозначным и не представляющим иссле-

* Рец. на кн.: *Mach R. The Elusive Macrostructure of the Apocalypse of John. The Complex Literary Arrangement of an Open Text.* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 429 p. (Friedensauer Schriftenreihe. Reihe A, Theologie; 13). ISBN 978–3–631–66984–6

довательского интереса. Напротив, вопрос о композиции Откровения Иоанна, о соотношении в нем различных структурных единиц и повествовательных пластов, о его нарративно-драматургической логике, связывающей воедино многочисленные и, на первый взгляд, даже преизбыточные детали текста, представляет собой проблему, избежать столкновения с которой не может ни один серьезный ученый, приступающий к интерпретации Апокалипсиса. Показательно, что в монографиях, касающихся совершенно разных аспектов Откровения Иоанна, есть разделы, посвященные литературному построению книги, более того, эти разделы иногда оформляются их авторами и как отдельные, имеющие самостоятельное значение статьи. При этом из публикации в публикацию кочует мысль о том, что по данному вопросу никак не удастся прийти к согласию, и структурных схем Апокалипсиса предложено почти столько, сколько исследователей занималось интерпретацией его композиции.

Но при всем богатстве литературы, касающейся архитектоники Откровения Иоанна, исследований монографического характера по данной теме написано на удивление мало. Строго говоря, до 2015 г. имелась лишь одна книга, посвященная именно композиции Апокалипсиса в целом, – это изданное еще в 1971 г.¹ исследование Уго Ванни [Vanni, 1980], и по сей день не утратившее своего значения. Даже если прибавить к нему те труды, в которых предметом рассмотрения становилась структура тех или иных крупных разделов Апокалипсиса [Biguzzi, 1996; Mueller, 1996], все равно общее число монографий в данной области оказывается совсем незначительным, и к началу XXI в., безусловно, назрела необходимость нового масштабного осмысления привлекающего всеобщее внимание вопроса. Рецензируемый труд, таким образом, вполне своевременен и актуален. Его автор Роман Мах – новое имя в библейской науке, к тому же издание его исследования не содержит точной биографической информации. Лишь поиски в Интернете помогли установить, что Мах получил степень PhD в Университете Уэльса и Международной Баптистской Богословской семинарии в Праге, а на момент написания рецензии является преподавателем пражского Адвентистского Богословского института. Надо полагать, что книга Р. Маха является публикацией его докторской диссертации, хотя это нигде прямо не указано. Так или иначе, следует сразу же отметить, что данный труд написан на очень высоком исследовательском уровне.

Специфической чертой исследования Маха, выделяющей его в ряду близких по теме трудов, является то, что ключ к решению проблемы композиции Апокалипсиса для него оказывается лежащим в области литературоведения и философской герменевтики. В библейской науке, как уже было отмечено, предлагалось множество вариантов плана Апокалипсиса, которые, претендуя на полноценное и окончательное отражение повествовательно-драматургического развертывания текста, оказывались тем самым взаимоисключающими. Чтобы преодолеть возникающую таким образом «дурную бесконечность», Мах в своих рассуждениях отталкивается от концепции «открытого произведения» Умберто Эко, изложенной им в одноименном раннем труде [Eco, 1989]² и развиваемой в более поздних работах. Идеи Эко относительно изначальной

¹ Второе, дополненное издание вышло в 1980 г.

«открытости» художественного текста для разнообразных интерпретаций квалифицированного читателя, достигающего в процессе чтения-осмысления фактически до соавторства, помогают снять непреодолимые противоречия между множеством предлагавшихся в библейской науке вариантов структурирования Апокалипсиса, уйти от жесткого «или-или» и приблизиться к пониманию этого множества как совокупности взаимно дополняющих друг друга отражений тех или иных аспектов многопланового построения книги. Важно отметить, что Р. Мах, опираясь на несколько работ У. Эко, отражающих эволюцию его взглядов, подчеркивает, что количество возможных интерпретаций не бесчисленно – оно ограничено внутренней логикой текста. Из этого следует, что многочисленные трактовки композиции Откровения Иоанна отнюдь не принимаются исследователем просто «по факту» – каждая из них проходит серьезную аналитическую проверку, в результате которой устанавливается ее вклад в понимание построения Апокалипсиса. Итогом исследования Маха оказывается масштабный развернутый план библейской книги, раскрывающий многообразие и богатство ее структурного и содержательного оформления и объединяющий мотивы, которые, будучи элементами разных версий ее композиции, обычно оказываются изолированы друг от друга.

Труд Р. Маха состоит из четырех крупных глав, которым предшествует обширное введение³. Как интродукция, так и главы распадаются, в свою очередь, на множество более мелких подразделов. Поскольку рубрикация в книге чрезвычайно дробная (в ней различается пять уровней), то общее число структурных единиц работы оказывается огромным – в общей сложности их более трехсот⁴! Введение (с. 23–57), как и полагается, содержит описание проблематики исследования, неспешный и тщательный характер которого становится ясен уже с первых страниц. Достаточно сказать, что на с. 23–25 автор полностью приводит в сносках двадцать два высказывания относительно неразрешенности проблемы композиции Апокалипсиса, отсутствия в этом вопросе научного консенсуса и т. д.⁵. Отталкиваясь от факта указанного разномыслия, Мах формулирует свою цель: «...вместо того, чтобы пытаться предложить еще одну литературную схему Откровения Иоанна, вытекающую из еще одного структурного анализа, мы намереваемся вначале поставить вопрос о том, почему/каким образом книга столь успешно сопротивлялась попыткам понять ее литературное построение и почему существующие предположения оказываются столь необычайно разнообразными» (с. 26). Отвечая на данный вопрос, исследователь постулирует гипотезу «литературной открытости» (*literary openness*) Апокалипсиса и указывает на необходимость ее верификации

² Р. Мах ссылается почти исключительно на англоязычные издания трудов Эко. Единственным исключением оказывается чешский перевод «Роли читателя» (ориг. издание 1979 г.).

³ Книга Маха содержит сквозную нумерацию всех крупных разделов, включая введение и приложение: под номером I представлено введение, под номером II – собственно первая глава и т. д. Во избежание путаницы в рецензии мы ссылаемся на главы книги без авторской нумерации.

⁴ Оглавление занимает 13 страниц (9–21)!

⁵ Основной текст на с. 24 при этом оказывается состоящим из трех строчек, полностью занятых перечислением фамилий цитируемых авторов.

и дальнейшего выявления того, что это означает применительно к построению Откровения Иоанна. Далее он обозревает наиболее значимые для него литературоведческие и герменевтические идеи. Здесь перед нами проходят имена крупнейших фигур, представляющих данные области знания, – как тех, кого можно назвать представителями «светской» науки⁶, так и тех, чья деятельность связана с новозаветными исследованиями⁷. Сосредотачивая в итоге свое внимание на соображениях У. Эко, Мах подчеркивает, что следует различать открытость как общее свойство литературных текстов, вытекающее из самой их природы, и «открытость» в более специфическом смысле, как сознательный выход за рамки общей эстетической открытости текстов посредством особой авторской стратегии, распознаваемой в тексте на множестве литературных уровней [Mach, 2015, p. 47]⁸. «Открытый» в этом особом смысле текст приглашает читателя к его со-творению вместе с автором и, будучи формально завершенным, оказывается «открытым к постоянному порождению внутренних связей, которые адресат должен раскрыть и выбрать в акте восприятия тотальности входящих стимулов» [Ibid., p. 49]. Откровение Иоанна при всех своих отличиях от тех текстов, с которыми имеет дело Эко, оказывается созвучным и сопоставимым с его представлениями об «открытости» литературного текста. Мах отмечает такие характеристики Апокалипсиса, как «весьма высокие требования, предъявляемые к читателю, многочисленные взаимосвязи внутри текста, интерпретационные неясности вне его, огромное разнообразие прочтений – как в среде массового читателя, так и среди ученых – на протяжении истории и в настоящее время с их неизбывными затруднениями и, наконец, исключительное число предложенных структурных схем» [Ibid., p. 50]. Все эти особенности последней книги Библии заставляют предполагать, что исследование ее столь разнообразно понимаемой композиции в контексте идей У. Эко об «открытом» литературном тексте окажется плодотворным.

Рассмотрение Апокалипсиса как «открытого» текста в первой основной главе (с. 59–150)⁹ своего труда Р. Мах начинает с проблемы жанровой принадлежности книги. Общеизвестно, что Откровение Иоанна в этом отношении неоднородно. Обозревая и анализируя различные составляющие жанровой природы Апокалипсиса, Мах не просто констатирует факт присущей книге жанровой сложности, а приходит к выводу, что здесь достигнуты ее пределы (с. 148). Уникальными оказываются степень и способ сплава различных жанровых элементов, которые в своей совокупности подчеркивают литературную «открытость» Откровения Иоанна. Мах начинает свой анализ с трех наиболее очевидных составляющих – апокалиптической, пророческой и эпистолярной. Присутствие последних двух лежит на поверхности – сам автор характеризует свой текст как пророчество (Откр 1. 3; 22. 10), книга пронизана аллюзиями на пророческие писания Ветхого Завета, а открывается она эпистолярным пре-

⁶ Р. Якобсон, П. Рикер, Э.Д. Хирш и др.

⁷ Напр., Кевин Ванхузер и Энтони Тисельтон.

⁸ “Eco’s theory proposes *specific literary openness* that deliberately (intentionally) surpasses the general aesthetic openness of literary texts by way of a *specific strategy recognizable in the text on multiple literary levels*” (курсив Р. Маха).

⁹ Английское название главы: Genre Analysis.

скриптом, весьма близким по своей структуре соответствующему разделу в посланиях ап. Павла (Откр 1. 4–5)¹⁰. Что касается апокалиптического жанра, то с ним дело обстоит сложнее. Это может показаться парадоксальным, ведь название этого жанра происходит именно от Апокалипсиса Иоанна, который, таким образом, должен восприниматься как его классический представитель. Однако сам концепт «апокалиптического» является современной конструкцией, неведомой древним. Поэтому всякий разговор об «апокалиптике» оказывается неизбежно требующим уточняющих оговорок. Рассматривая данный вопрос, Р. Мах отмечает полезность и пригодность для использования широко известного определения апокалиптического жанра, предложенного американским «Обществом библейской литературы»¹¹. Наряду с этим, однако, ученый указывает и на необходимость выявления в каждом отдельном случае уникальных черт того или иного рассматриваемого памятника. В случае Апокалипсиса исследователь, ссылаясь на труды Д. Ауни и Г. Линтона [Aune, 2006; Linton, 2006], особо подчеркивает совершенно нестандартное чередование используемых в книге литературных форм, квалифицируемое им как «жанровые указания на литературную открытость текста» (с. 96). Далее в этом разделе исследования рассмотрению подвергаются сапиенциальные¹², мифологические, нарративные, риторические, литургические и драматургические¹³ аспекты Апокалипсиса.

Следующая глава труда Р. Маха (с. 151–219) имеет заглавие «Другие измерения литературной открытости Апокалипсиса». Этими «другими измерениями» оказываются интертекстуальность книги, ее язык и «поле коммуникации». Что касается первого из этих трех аспектов, то Апокалипсис известен широчайшим использованием ветхозаветного материала, притом что осуществляется оно не путем цитирования, а через многочисленнейшие аллюзии. Мах подвергает всестороннему рассмотрению ветхозаветные аллюзии Апокалипсиса с точки зрения их типов, числа, природы и функции. В завершение этой части своего труда исследователь на примере отрывка, повествующего о «двух свидетелях» (Откр 11. 3–13), показывает – и весьма убедительно, – как присутствующие в тексте аллюзии, допуская разные интерпретации, приводят к совершенно различному пониманию итогового «воздаяния славы» Богу первоначальными врагами двух свидетелей. Это позволяет Маху утверждать, что в данном случае мы имеем дело с «примером открытости *par excellence*» (с. 177). Специфика языка Апокалипсиса, для которого характерны отступления от грамматической нормы, разного рода «шероховатости» и «корявости», также получала разнообразные объяснения, причем многие авторы утверждают намеренный характер этих явлений, квалифицируя их как часть авторского замысла, приглашающего читателя к творческому прочтению текста. Мах соглашается с этим взглядом, рассматривая язык Откровения Иоанна как один из аспектов «открытости книги». Исследуя «поле коммуникации» Апокалипсиса,

¹⁰ Заканчивается Апокалипсис также очень характерным для Павловых посланий пожеланием благодати (Откр 22. 21).

¹¹ Сформулировано в [Collins, 1979, p. 9].

¹² То есть свидетельствующие о принадлежности к литературе «Премудрости» (*lat. sapientia*).

¹³ В строгом смысле слова, то есть относящиеся к литературному жанру драмы.

ученый касается специфики книги как текста, предполагавшего прочтение в собрании общины и восприятие на слух, ее социально-политического контекста и функции¹⁴, а также характера предполагаемой читательско-слушательской аудитории, к которой, по всей видимости, принадлежали раннехристианские пророки, представлявшие собой слой компетентных и авторитетных трансляторов-интерпретаторов воспринятого откровения. Выводом и здесь оказывается утверждение «открытости коммуникации» Откровения Иоанна, проявляющейся наиболее очевидным образом в сочетании в книге «непосредственного, поэтического, экспрессивного» (*immediate, poetic, evocative*) и «референциального и интерпретационного» (*referential, interpretative*) (с. 213) измерений текста. Подводя итоги этой главы в целом, Роман Мах отмечает, что «открытость» была выявлена на всех уровнях восприятия Апокалипсиса – жанровом, интертекстуальном, языковом и коммуникативном, – и, переходя непосредственно к рассмотрению его композиции, указывает, что отмеченная многоплановость текста книги приводит к лабиринтообразности ее построения. Здесь автор исследования, ссылаясь на У. Эко [Есо, 1986, р. 80–81], говорит о трех типах лабиринта: линейном, образующем при распутывании линию, собственно лабиринте (*maze*), образующем при распутывании нечто подобное дереву, и сети, которая по своей природе не может быть распутана. Линейное построение Апокалипсиса может быть сразу отвергнуто как не отражающее выявленной многоплановости разных аспектов книги. Сеть как «неограниченная территория» (*unlimited territory*), в рамках которой каждая точка может быть соединена с каждой, предоставляет бесчисленные возможности, и само понятие правильного пути здесь оказывается неуместным. Таким образом, построение Апокалипсиса соответствует образу лабиринта в собственном смысле слова. Задача исследователя состоит в том, чтобы разобраться в лабиринте Откровения Иоанна, найдя различные, но ограниченные по числу, взаимосвязанные и отнюдь не случайные пути, проводящие сквозь него (с. 219).

Следующая глава (с. 221–333) представляет обзор многочисленных предлагавшихся в науке вариантов структурирования Апокалипсиса¹⁵. Рассматривая различные версии построения книги, Мах подвергает их скрупулезному анализу и выявляет в них элементы, способные пролить свет на те или иные аспекты внутренней логики текста. В начале главы рассмотрению подвергается связь композиции книги с ее интертекстуальностью. Отмечается значительная роль ветхозаветных аллюзий в повествовательно-драматургическом развитии Откровения Иоанна, но при этом указывается, что ни одна из ветхозаветных книг, включая представленные наиболее яркими аллюзиями книги Иезекииля и Даниила, не может восприниматься как определяющая это развитие. Далее в центре внимания оказываются хиастические планы Апокалипсиса. Соглашаясь с наличием в книге множества проявлений параллелизма и симметрии

¹⁴ В первую очередь здесь должна быть отмечена проблема восприятия Апокалипсиса как отклика на возможные гонения с вытекающим отсюда спектром его пониманий как утешения и ободрения гонимых, как своего рода протестной литературы, публицистического манифеста и т. д.

¹⁵ Английское название: *The Existing Approaches to the Macrostructure of the Apocalypse*.

на микроуровне, Р. Мах отрицает возможность хиастического структурирования Откровения Иоанна в целом. Вместе с тем идею о параллельно-симметричном построении большого отрывка Откр 17. 1–22. 5 Мах принимает и включает в предлагаемую им в конце своего труда собственную структурную схему книги. Далее исследователь обращается к отдельным фразам и формулам Апокалипсиса, которые, неоднократно повторяясь в тексте, могут рассматриваться как своего рода структурные маркеры, отмечающие грани разделов¹⁶. Наличие такого рода маркеров широко признано в литературе, посвященной Апокалипсису. Тщательно проанализировав варианты их включения в предлагаемые исследователями версии композиции книги, Мах приходит к выводу, что наиболее убедительными оказываются «интегративные», то есть принимающие в рассмотрение одновременно несколько структурных маркеров планы Откровения Иоанна. В качестве выдающегося образца такого интегративного плана исследователь приводит схему Ричарда Бокэма [Bauckham, 1993]. Обозрев затем варианты структурирования Апокалипсиса, основанные на седмичности, кратко рассмотрев лингвистические (структуралистские и текстлингвистические) подходы к построению книги, Мах в конце данной главы касается важнейшего вопроса о наличии и роли в книге разделов, имеющих переходно-связующий характер. Такие разделы чрезвычайно важны в Откровении Иоанна, текст которого содержит резкие контрасты, насыщен многочисленными образами и сложно построен, – именно они обеспечивают цельность его восприятия и, наоборот, предохраняют от восприятия фрагментарно-калейдоскопического. В общем заключении к данной главе автор подчеркивает, что структурирующие приемы Тайнозрителя Иоанна одновременно членят и связывают создаваемые ими макросекции (simultaneously divide and interconnect the macro-sections that they create; с. 333). Также он указывает здесь, что адекватно отразить макроструктуру Апокалипсиса в «малом формате», соответствующем объему журнальной статьи, вряд ли возможно. В следующей – заключительной – главе своего исследования Роман Мах представляет нам свой «крупноформатный» план библейской книги, призванный отразить все ее многоаспектное богатство как «открытого» текста.

Соотношение двух последних глав рецензируемого труда может быть образно охарактеризовано как «разбор на запчасти» ранее предлагавшихся вариантов структурирования Апокалипсиса и «сборка» из этих запчастей своего собственного авторского целого. В финальной главе, имеющей название «Открытая структура Апокалипсиса» (с. 335–395), Р. Мах, резюмируя все этапы предпринятого исследования и особо подчеркивая роль отмеченных выше переходных разделов, предлагает в качестве увенчания своего труда десятистраничный (с. 384–393) подробнейший план Откровения Иоанна, в котором не упущена ни одна из отмечавшихся в процессе исследования деталей. Специфической особенностью этого плана является выделение в общем повествовании Апокалипсиса четырех «историй», или «рассказов» (I: Откр 1. 10–3. 21; II: Откр 5. 1–11. 11; III: Откр 12. 1–16. 16; IV: Откр 17. 3–22. 5), каждый

¹⁶ Например, выражения «в Духе» (Откр 1. 10; 4. 2; 17. 3; 21. 10), «чему надлежит быть вскоре/ после сего» (Откр 1. 1, 19; 4. 1; 22. 6; ср. Дан 2. 28–29) и ряд других.

из которых маркируется появлением в нем (в первых трех случаях непосредственно в начале) «христологического мотива»¹⁷; в свою очередь, все эти «рассказы», а также входящие в их состав крупные единицы текста связываются друг с другом девятью большими переходными разделами (transitions)¹⁸, которые в большинстве случаев включают в себя сцены перед небесным престолом (их всего семь) и дважды – теофании (Откр 4. 1–11 и 20. 11–21. 8), называемые Махом «теологическими мотивами» (theological motif). Переходные разделы оказываются, таким образом, чрезвычайно насыщенными в образном и смысловом отношении комплексами, несущими огромную нарративно-драматургическую нагрузку – это своего рода суставы текста, которые обеспечивают его мобильность, возможность «движения», «поворотов», что, в свою очередь, делает возможным многостороннее и многомерное восприятие текста. Можно вспомнить в связи с этим и детскую игрушку – трансформер, многочисленные шарниры которого позволяют ему принимать различный облик. Соответственно этому, и Роману Маху удастся отразить все богатство многоплановой структуры Откровения Иоанна, в которой сочетаются поступательное развитие и повторность, нагнетание драматического напряжения и статическая, на первый взгляд, симметрия, всеохватное единство текста в целом и смысловая завершенность отдельных его эпизодов. Все это вместе действительно характеризует последнюю книгу Библии как «открытую» для реализации вдумчивым читателем множества интерпретационных возможностей, совокупное использование которых позволяет ей переливаться разнообразными оттенками красок. Завершается рецензируемый труд приложением (с. 397–401), в котором приведен сокращенный пятистраничный план Апокалипсиса, призванный подчеркнуть единство и взаимосвязь четырех его «историй-рассказов».

Монография Романа Маха производит самое благоприятное впечатление в нескольких отношениях. Во-первых, это весьма удачный пример междисциплинарного исследования. В библеистике, к сожалению, порой приходится сталкиваться с тем, что декларируемая автором того или иного труда междисциплинарность оказывается чисто формальной – разделы, написанные с позиций смежной научной дисциплины, представляют собой инородные тела в составе исследования в целом, выдержанного во вполне традиционном для библейской науки ключе. Не так в данном случае – Роману Маху удается показать как значимость феномена Апокалипсиса в контексте проблематики современной гуманитарной науки и, в частности, идей Умберто Эко, так и значение и плодотворность этого контекста для исследования самого Апокалипсиса. Его книга с пользой и интересом может быть прочитана и теми, чьи интересы лежат в области литературоведения и герменевтики, и теми, кто, в первую очередь, занят изучением Св. Писания. Далее, следует подчеркнуть

¹⁷ Соответствуют четырем образам Христа в Апокалипсисе: подобного Сыну Человеческому (Откр 1. 10–20), Агнца (Откр 5), Сына жены, облеченной в солнце (Откр 12. 1–9), и Воина на белом коне (Откр 19. 11–16).

¹⁸ Откр 1. 8–20; 3. 21–4. 11; 7. 9–8. 6; 11. 12–19; 14. 1–7; 15. 1–16. 1; 16. 17–17. 3; 19. 1–10; 20. 11–21. 10.

значительность этого труда в рамках собственно исследований Апокалипсиса. Как уже было отмечено выше, исследование посвящено актуальной проблеме, многообразие попыток решения которой оставляет, однако, впечатление некоего бега по кругу. Монография Маха позволяет сделать шаг вперед в данной области и придать дискуссии о композиции Апокалипсиса более осмысленный и конструктивный характер.

При этом, однако, нельзя не отметить, что в списке использованной Р. Махом литературы есть труднообъяснимые пробелы. Так, тщательно разбирая интертекстуальные аспекты композиции Апокалипсиса и отмечая большую роль в ней аллюзий на книгу пророка Иезекииля, Мах полностью игнорирует крупнейшее на сегодняшний день исследование по данной теме, в котором рассмотрению формообразующей роли иезекиилевских аллюзий отведено очень большое место [Kowalski, 2004]. Возможная причина этого упущения остается для рецензента полной загадкой. Не вполне понятно и отношение автора к италяязычной литературе. Упомянутый выше классический труд Уго Ванни ему знаком, но полноценного исследовательского диалога с ним Роман Мах не ведет – для исчисления ссылок на эту важнейшую книгу хватит пальцев одной руки. В еще большей мере это касается монографии Джанкарло Бигуцци [Biguzzi, 1996]. Она отсутствует в списке литературы, и никаких следов знакомства с ней в тексте не содержится. При этом следует отметить, что по крайней мере одна статья Бигуцци Р. Маху небезызвестна – она включена в библиографический список, и обзору ее идей он посвящает один из подразделов своего исследования [Mach, 2015, p. 194]. Поскольку эта статья написана по-английски, закрадывается подозрение, что причина недостаточного внимания Маха к итальянской литературе заключается в «языковом барьере». Даже если это подозрение безосновательно, отмеченные библиографические лакуны, чем бы они ни объяснялись, представляются досадными и несколько диссонирующими с общим высоким уровнем осуществленного Р. Махом исследования. Что же касается собственно содержательной стороны рецензируемой книги, то здесь мы можем себе позволить лишь скромные замечания без всякой претензии на то, чтобы оспорить идеи автора. Роман Мах совершенно прав, указывая на затруднительность отображения в краткой схеме всего композиционного богатства Апокалипсиса. Однако у кратких планов есть одно достоинство – наглядность. Этого достоинства неизбежно лишен громоздкий план, венчающий труд Маха, да и сокращенная схема, помещенная в приложении, оказывается более длинной, чем большинство имеющихся в литературе аналогов. Это делает планы Маха трудноиспользуемыми в преподавании – они не охватываются одним взглядом и требуют слишком пространных комментариев¹⁹. Ввиду этого можно предполагать, что ранее предложенные структурные схемы при всей их ограниченности сохранятся в употреблении и их позиции не будут сильно поколеблены. Наконец, можно отметить, что именование повествовательных пластов (или витков) Апокалипсиса «рассказами/историями»

¹⁹ Рецензент, имеющий более чем пятнадцатилетний опыт ведения посвященных изучению Откровения Иоанна специальных курсов, в которых проблеме построения книги обычно отводится значительное место, утверждает это с полной ответственностью.

слишком сильно подчеркивает их сюжетную автономность в ущерб целостности нарратива. Это конечно же вовсе не соответствует замыслу автора, но впечатление такое создается, на наш взгляд, может.

В любом случае, выход в свет монографии Романа Маха является по-настоящему событием. Замечательная эрудиция автора, четкость общего построения исследования, наглядность представления материала²⁰, ясность выводов – все это делает его книгу одним из самых значительных явлений в современной литературе, посвященной изучению Откровения Иоанна. Этот труд, несомненно, должен будет теперь учитываться при любом обсуждении проблемы композиции Апокалипсиса. Более того, книга Р. Маха достойна не только прочтения, но и перечитывания.

Список литературы / References

Aune, D.E. “Apocalypse Renewed”, in: D.L. Barr (ed.), *The Reality of the Apocalypse*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2006, pp. 43–70.

Bauckham, R. “Structure and Composition”, in: *The Climax of Prophecy*. Edinburgh: T&T Clark, 1993, pp. 1–37.

Biguzzi, G. *I settenari nella struttura dell’Apocalisse*. Bologna: EDB, 1996. 411 p.

Collins, J.J. “Introduction: Towards the Morphology of a Genre”, in: *Semeia 14: Apocalypse: The Morphology of a Genre*. Missoula, MT: Society of Biblical Literature, 1979, pp. 1–20.

Eco, U. *Semiotics and the Philosophy of Language*. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 242 p.

Eco, U. *The Open Work*. Massachusetts: Harvard University Press, 1989. 320 p.

Kowalski, B. *Die Rezeption des Propheten Ezechiel in der Offenbarung des Johannes*. Stuttgart: Verlag Katholisches Bibelwerk, 2004. 529 S.

Linton, G. “Reading the Apocalypse as Apocalypse: The Limits of Genre”, in: D.L. Barr (ed.), *The Reality of the Apocalypse*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2006, pp. 9–41.

Mach, R. *The Elusive Macrostructure of the Apocalypse of John. The Complex Literary Arrangement of an Open Text*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 429 p.

Mueller, E. *Microstructural Analysis of Revelation 4–11*. Berrien Springs: Andrews Univ Pr., 1996. 788 p.

Vanni, U. *La struttura letteraria dell’Apocalisse*. Brescia: Morcelliana, 1980. 335 p.

The Book of Revelation as an “open work” and its Literary Structure

Antal G. Nyebolszin

St. Tikhon’s Orthodox University 6/1 Lihov pereulok, Moscow 127051, Russian Federation; e-mail: gyula@mail.ru

The subject of this review-article is a monograph concerned with the difficult question of the literary structure of the Book of Revelation. That no scholarly consensus exists in this field, is indicated by the mere fact of the existence of many proposed variants of the structuration of

²⁰ В книге много таблиц. См., впрочем, замечание в предыдущем абзаце относительно предлагаемого Махом общего плана Апокалипсиса.

the Apocalypse. The author of the reviewed book, relying on the ideas of Umberto Eco concerning the “open work”, proposes his own vision of the literary structure of Revelation, which includes elements of different versions of its composition. The work is concluded by an outline of the Apocalypse that should reflect its narrative and dramaturgical multidimensionality.

Keywords: Book of Revelation, Apocalypse of John, Umberto Eco, open work, literary structure, literary criticism, hermeneutics

Citation: Nyebolszin A.G. “The Book of Revelation as an “open work” and its Literary Structure”, *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2019, Vol. 3, No. 1, pp. 153–163.